

Маршак Самуил
Яковлевич

26.04.03.

Ищут пожарные, ищет милиция...

Житель Пермской области повторил подвиг героя стихотворения Маршака. Корреспондентам «Известий» удалось его разыскать

«Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографии в нашей столице. Ищут давно, но не могут найти парня какого-то лет двадцати». Этот стишок из далекого детства — лишь одна главка в том советском героическом эпосе, который с каждым днем становится все более притягательным даже для тех, у кого всегда в кармане лежит тысяча долларов на мелкие расходы. Кажется, мы созрели до того состояния, когда акционерному обществу «Россия» не хватает главной инвестиции — мечты.

Известия — 2003 — 26 апр — с. 12

Дмитрий СОКОЛОВ-МИТРИЧ

Отголоском стихотворения Маршака прозвучали строчки с новостной ленты: «Пермские пожарные публично выразили благодарность неизвестному герою, спасшему троих детей во время пожара в поселке Оверята Краснокамского района. Возвращаясь домой, молодая женщина обнаружила, что надворные пристройки и часть дома охвачены огнем. Не успела она опомниться, как поблизости остановилась машина, из нее выскочил мужчина, залез в горящий дом, спас детей и скрылся с места подвига, не сообщив женщине даже своего имени».

Мы решили довести сюжет Самуила Яковлевича до конца и разыскать неизвестного героя. Что-то нам подсказывает, что и российскую мечту искать надо именно в этом направлении.

Папа Вадик и мама Огонек

Поселок Оверята, пригород Краснокамска, находится в 25 километрах от Перми. В свое время он разросся до пяти тысяч человек оттого, что здесь построили желе-

зобетонный комбинат. Теперь поселок пополняется в основном за счет асоциальных элементов, прибывающих из Перми. Пропив все имущество, они продают свои пермские квартиры, покупают в Оверятах халупы и живут там, пока не пропьют остальное. Потом они за ящик водки отдают свое жилье приезжим с Кавказа и живут на улице. Потом умирают. Едем по поселку. Вот один бич ломится в дом к другому и разбивает ему окно. Вот другой сидит возле своей калитки на корточках и что-то жрет прямо из миски, как собака.

«Многие парни плечисты и крепки, многие носят футболки и кепки... Каждый к труду, обороне готов»... Давно это было.

Мы приехали с пожарными на дежурном «уазике». На заднем стекле висит талисман — красный пожарный телепузик. Вот и сгоревший дом. Крыши вообще нет, сруб обуглен, а табличка как новенькая. Улица Молодежная, дом 138.

Дверь закрыта на проволочку. Соседка через дорогу говорит, что хозяйка дома живет на улице Железнодорожной, второй дом от тоннеля, надо спросить тетю Галю Ложкину. Здесь жил ее сын Вадим

с женой, Светкой. Она их пустила, а они, паршивцы, ей дом спалили. Теперь видеть их не хочет.

Во втором доме от тоннеля тоже никого нет. Проходящая мимо женщина подсказывает, что спасенные дети в приюте «Доброта» возле вокзала. В «Доброте» действительно обнаруживаем двух мальчиков — Мишу и Диму пяти и шести лет.

— У них родители случайно не асоциальные? — спрашиваем воспитательницу.

— Нет, родители у них ничего. Просто оставить не с кем, а в детском саду мест нет. На ночь они их всегда забирают домой.

Миша и Дима проводили нас к папе. Папе Вадиду лет тридцать и вид он имеет серьезный. На шее цепь, а в глазах непредсказуемость. В тот день, когда горел дом, Вадим Ложкин, оказывается, мотал срок в 15 суток за мелкое хулиганство. Но в целом папа не производит впечатления отъявленного негодяя. Он работает слесарем в ЖКО, каждый день вовремя приходит на работу. Он почти не пьет. Просто папа нервный.

— Я уже дом погоревший начал восстанавливать своими силами, помощи никакой. Выписали двадцать кубов дерева и дали тысячу рублей — все. Да еще и с детским садиком обломали, — с этого момента мы совсем перестали бояться Вадима. Если человек жалуется на государство, значит, он не представляет опасности для окружающих.

(Окончание на 12-й стр.)



Дима и Миша Ложкины. Спасенные

Ищут пожарные, ищет милиция...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

А вот и мама пришла. Светлана Богомолова работает на заводе имени Дзержинского в Перми, каждый день мотается на электричке. Завод производит бензопилы, а Светлана работает грузчиком металлической стружки.

Мы начали дознание. — Это уже второй пожар в моей жизни, — вздыхает Светлана. — В 1999 году, когда мы жили в деревне Черная, это тут рядом, нас обокрали и подожгли. Меня уже некоторые стали называть Светка-Огонек. А в тот день как было — я возвращалась из ЖКО. Еще издали заметила дымок, но подумала, что соседи баню топят. Подхожу ближе — а это мой хоздвор горит. Пока я в себя пришла, огонь на крышу дома перекинулся, и так быстро принялся, что через секунду десять крыша уже вся пылала. Стою как парализованная и не знаю, что делать. Я даже не заметила, как ко мне подошел молодой человек. Тут меня прорвало: «Помогите! — кричу. — Ради Бога помогите!» Он вытащил из машины резиновую дубинку, побегал в дом через дверь, разбил окно, высадил раму и передал мне через окно детей и документы. Я как первого, Димку, взяла, он мне сразу и выдает: «Мама, честное слово, я не трогал спички». Оказывается, он пошел в туалет с факелом, свернутым из газеты, потому что свет выключили. С туалета все и началось.

— Ну а как хоть выглядел этот человек, помните?

— Я в тот момент была в таком состоянии, что ничего не запомнила. Высокий, кажется, весь в черном, и машина у него черная, «Жигули» такие с длинным задом. Он вызвал пожарных и уехал. Через полчаса приехала одна машина, потом еще три.

— Насчет черного цвета — это нужно делить на шестнадцать, — проконсультировал замначальника пожарного отряда Александр

Ледяев. — Когда долго смотришь на огонь, зрение привыкает к яркому свету и любой темный предмет кажется черным. Это значит, что машина — похоже, «пятерка» или «семерка» — может быть и темно-синей, и темно-зеленой, и коричневой.

Ловушка

Милиции в нашей истории места не нашлось. В местном опорном пункте охраны порядка работают два человека — участковый и его помощник. В ответ на нашу просьбу они лишь развели руками. С такими приметам искать человека — это стопроцентный висyak.

Оставалась лишь надежда на четвертую власть. В газете «Краснокамская звезда» к нашей идее отнеслись с пониманием. Правда, первые 15 минут разговора с главным редактором Галиной Вершиной пришлось уделить тому, какие москвичи все сволочи. Ну да мы уже привыкли.

— Только давайте не будем писать, что вы ищете его, чтобы наградить, — дала дельный совет коллега. — У нас в провинции люди скромные, не то что в Москве. Два года назад в Краснокамске был аналогичный случай: на улице Чапаева в пятиэтажном доме горела квартира, и один человек спас двоих детей и старушку. Мы тогда тоже писали: «Кто ты, неизвестный герой, откликнись!» Не откликнулся. Я предлагаю написать это объявление с легким оттенком угрозы: мол, гражданин на автомашине «Жигули» темного цвета, находившийся в момент пожара 31 марта в поселке Оверята, на улице Молодежной, просьба срочно связаться с заместителем командира краснокамского пожарного отряда майором Ледяевым». И телефоны. Пусть попробует не отозваться.

Сработало

Три дня безделья в городе Краснокамске — это страшное дело. От скуки мы стали участвовать

во всех местных субботниках, которые шли один за другим во все дни недели. Наконец позвонила Галина Викторовна и сказала, что ловушка сработала.

Позвонил человек, представился Сергеем Валерьевичем Рушинским и оставил свой мобильный телефон. В трубке я услышал бодрый голос человека лет тридцати. Когда Сергей явился на прием к пожарным и узнал истинную причину вызова, спастись бегством ему было уже поздно.

Оказалось, я немного ошибся. Сергею тридцать восемь. Одет он действительно в черную куртку, а вот «пятерка» у него — фиолетовая. Насчет роста Светлана-Огонек тоже явно погорячилась — от силы метр семьдесят. Да и вообще Сергей совсем не напоминает отважного героя — по иерархии ГТО тянет на третью ступень, не больше. Похож на физика-лирика семидесятых годов. Шурик, одним словом.

— В тот день я ездил в Оверята по делам. Я мелкий предприниматель. У меня две точки на рынке — на одной продаю семена, на другой — бытовую химию. Короче, возвращался я из Оверят, вдруг вижу — горит дом и никого нет. Меня это удивило: как это так, обычно на пожар все сбегается, если не помочь, то хоть поглазеть. Я остановился, вижу — из окна мальчик смотрит. Спокойно так — он, наверное, еще не понял, что горит. Ну, я схватил дубинку резиновую — она у меня в салоне всегда на всякий случай лежит — и побегал в дом. В принципе я ничем не рисковал — горела только крыша, но когда я вылез из дома и увидел, как быстро огонь распространяется, то поразился, что долго детей ловить не пришлось. Вот и все. В тот день я вернулся домой и первым делом своим домашним говорю: «До конца года застрахую дом обязательно».

Однажды Сергей уже погорел. Даже дважды. Только пожарные

ему тогда ничем не могли помочь. Первый раз — когда в начале девяностых закончил Пермский политех по специальности инженер-технолог авиационных двигателей, а специальность оказалась уже неустойчивой. Занялся бизнесом — стал торговать сумками. Закупал их на заводе в Питере, грузил на самолет и продавал в Перми.

— А почему в Питере, Сергей? Питер же дальше, чем Москва.

— Я не могу находиться в Москве. У меня сразу поднимается температура. До 40 градусов. Серьезно. А стоит только отъехать на сто километров — выздоравливаю. Не знаю — может, аллергия на метро?

Бизнес шел хорошо — Сергей стал ездить на иномарке, отремонтировал квартиру, стал жить красиво. Но подвела его мягкость. Тогда как раз началось время финансовых пирамид, и одна женщина, теща называется, стала угонять Сергея, вложить туда деньги. Сергей уже научился твердости в общении с партнерами, конкурентами, даже бандитами, но когда капает на мозги родственник — это совсем другое дело. Наконец, теща добила своего — Сергей, только чтобы от него отстали, бухнул в пирамиду основную часть капитала. Пирамида накрылась. Пришлось занимать денег и опять начинать с нуля. Теперь Сергей уже приближается к тому, что имел до банкротства. Недавно опять сделал ремонт, построил шикарную баню.

На прощание мы подарили ему полугодовую подписку на «Известия». Майор Ледяев снял с лобового стекла дежурного «уазика» талисман — красного пожарного телепузика. А папа Вадик, когда я сообщил ему по телефону, что спаситель их детей нашелся, очень обрадовался: «Передайте ему огромное спасибо и п.т.», «П.т.» на языке Вадика означает «привет».

Пермская область,
Краснокамск — Оверята

Александр МАРШАК, младший внук поэта: Стихотворение появилось после заметки в газете

— Кажется, это было как-то связано с газетной публикацией... — напоминает Александр Иммануэлевич Маршак. — Я боюсь ввести вас в заблуждение... Подождите, я посмотрю.

Александр Иммануэлевич удаляется в библиотеку, сверяется с восьмистомным собранием сочинений деда и цитирует по книге: — Стихотворение напечатано впервые под названием «Двадцатилетний. Современная баллада» в газете «Правда» за 9 октября 1937 года. Из письма Маршака В.Д. Разовой, написанного за два года до смерти: «Родилась эта баллада от газетного сообщения».

— Вы не расспрашивали Самуила Яковлевича об этом случае?

— Дед умер в 1964-м. Может быть, и расспрашивал, но привет не помню.

— А вам в детстве читали это стихотворение?

— Нам всем читали, и оно незаслуженно забыто. В нем есть строфа — «знак ГТО на груди у него». А сейчас никто даже не знает, что это за знак. Мое поколение очень трепетно относится к этому стихотворению. И я его много раз перечитывал и до сих пор его люблю. Бескорыстие, героизм, скромность — положительные человеческие качества не меняются от времени.

Алексей Иммануэлевич, старший внук Маршака подтвердил слова брата:

— Дед говорил, что написал стихотворение после какого-то репортажа в «Комсомольской правде»: юноша спас ребенка из пожара — очень быстро вынес его и исчез, не оставив ни на минуту в толпе. Помню, как дед читал мне его... Он вообще очень хорошо читал и всегда говорил, что стихи надо читать не про себя, а на слух, их нужно слышать. Я очень люблю «Рассказ о неизвестном герое» за чувство гордости за человечество: у него есть такие достойные представители. С детства для меня это пример для подражания.

Ольга ТИМОФЕЕВА



Сергей Рушинский. Спаситель